

## УДК 94(571.54)

БАЗАРОВА Валентина Владимировна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. bazarov\_science@mail.ru,

## ГОМБОЖАП ЦЫБИКОВ О РОЛИ МОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СТАНОВЛЕНИИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

**Аннотация.** Автор статьи раскрывает позицию выдающегося российского востоковеда и путешественника Г.Ц. Цыбикова на Первом культурно-национальном совещании 19–26 сентября 1926 г. по вопросам языкового строительства. Ученый считал, что нужно стремиться сохранить национальную культуру разобщенных монгольских племен, объединение которых возможно только на основе единого письменного языка. Он также акцентировал внимание на вопросах развития современной монгольской терминологии и терминологической адекватности монгольским языкам новых слов и понятий в сфере нового социально-экономического обустройства и политической жизни. Им был обозначен большой круг образовательной и общественной практик, значительная часть которых была применена в языковой политике в 1920–30-х гг. Между тем, он подвергался критике по вопросам широкого применения монгольского языка, т.к. это квалифицировалось как панмонголизм и отсутствие социалистических взглядов.

**Ключевые слова:** монгольская письменность, бурятский язык, культурное строительство, национальная культура, терминология, языковая политика, панмонголизм

На Первом культурно-национальном совещании, состоявшемся 19–26 сентября 1926 г., вопросы языкового строительства рассматривались в нескольких докладах, в т.ч. и в докладе профессора Г.Ц. Цыбикова «Монгольская письменность как орудие культурного строительства Бурятии».

Большинство участников совещания были далеки от мысли о создании бурятами собственного литературного языка, поэтому они не были готовы к реальным действиям по воплощению этой перспективы.

К этому времени были изданы знаменитые труды профессора Г.Ц. Цыбикова по старописьменному монгольскому языку: «Пособие для практического изучения монгольского языка» (Владивосток, 1907), которое выдержало 3 издания; «Грамматика бурят-монгольского письменного языка» (Верхнеудинск, 1924) – первая научная грамматика бурятского языка, выдержавшая 2 издания; «Бурят-монгольский букварь для детей» (Верхнеудинск, 1925). Кроме того, он был автором и составителем целого ряда учебных программ и учебных пособий для школ разных ступеней по изучению родного языка и письменности. В эти же годы под редакцией Г.Ц. Цыбикова издается большое число научных работ и переводов с русского на бурятский язык. Ко времени проведения культурно-национального совещания 1926 г. он исполнял должность секретаря Бурятского ученого комитета, был назначен заведующим народным образованием Бурят-Монгольской АО. Таким образом, перед собравшимися выступал высокообразованный, авторитетный ученый и общественный деятель, получивший образование в царской России, но принявший новую власть и стремившийся всячески ей помогать.

В своем докладе Г.Ц. Цыбиков изложил историю языка и письменности в тесной связи с историей монголов, используя различные источники на монгольском и тибетском языках. Своими знаниями он делился с аудиторией, где чуть более 13% участников совещания имели высшее и среднее специальное образование, где кроме него лишь Б.Б. Барадин знал тибетский, санскрит, английский, немецкий и французский языки<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Общ. ф. Д. 328. Л.1-96.

В своем докладе он отмечал, что «финикийское письмо послужило началом европейского, арабского и сирийского письмен» [Цыбиков 1928: 14], а из сирийского письма было заимствовано согдийское, из согдийского – уйгурское. В XIII в. на западе от своих кочевий монголы столкнулись с уйгурами – тогда и переняли монголы уйгурское письмо сначала в чистом виде. Затем после завершения военных походов при правлении внука Чингисхана Хубилае оно претерпело некоторые изменения: тибетским пагба-ламой было составлено оригинальное, так называемое квадратное письмо, введенное в канцеляриях для официальной переписки.

После смерти Хубилая это письмо исчезло, и монголы вновь возвратились к уйгурскому письму, приспособив его к своему языку после проведения реформы «согласно потребностям монгольского языка» в начале XIV в. Позднее с началом проникновения в Монголию буддизма стал активно использоваться тибетский язык. В первой половине XVII в. на исторической сцене появляются маньчжуры, обитавшие по соседству с монголами. Вслед за покорением монголов маньчжуры завладели Китаем и продержались там более 250 лет. Маньчжуры изобрели собственное письмо, переработав монгольское письмо для маньчжурского языка. Этот язык в его письменной форме гораздо дольше сохранялся у монголов, поскольку, по мнению Г.Ц. Цыбикова, маньчжуры заставили ввести свой язык в канцелярскую переписку, создавали для монголов учебники и словари. Но маньчжурская письменность не привилась в качестве общемонгольского языка, сохранился лишь литературный язык, оставшийся в письменной форме.

Следующий этап развития письменности связан с периодом, когда часть монгольской народности подпала под власть русского государства. Русские дошли до Бурятии и пошли дальше на Восток тоже в начале XVII в. Вместе с русскими пришло и православное духовенство, которое стало распространять православие у бурят. Это способствовало вытеснению у северобайкальских бурят их письменности. Но в Забайкалье дело обстояло иначе: к здешним бурятам в конце XVII в. начал проникать буддизм, а вместе с ним – и монгольская письменность, которая успешно вошла в делопроизводство. Следовательно, утверждал профессор Г.Ц. Цыбиков, литературный язык монголов есть достояние не только собственно монголов, но и бурят-монголов Восточной Бурятии. После революции в России Монголия «находится на путях новой жизни, основанной на европейской культуре, так интенсивно идущей к ней из Европы через СССР»<sup>1</sup>.

Профессор Г.Ц. Цыбиков, видя разрозненность монгольских племен, считал нужным сохранить монгольский письменный язык, представляющий собой, по его словам, почти единственный остаточный фактор, связывающий монгольские народности в одно целое [Цыбиков 1928: 23]. «Сохранившаяся до сих пор монгольская письменность, каковой бы она ни была (все же наследие культуры данной национальности), имеет за собой ту заслугу, что разрозненные историческими судьбами монгольские племена имеют все же единую литературу, и для дальнейшей работы с монгольской литературой, не разрывая связи с ней и не отставая от требований новой культурной жизни, идущей из Европы через СССР, необходимо сделать некоторые реформы письма, а затем вообще усовершенствовать и развить шрифт, чтобы он являлся во всем разнообразии образцов», – призывал Г.Ц. Цыбиков.

Обращаясь к истории развития книгопечатания монгольским шрифтом, он отмечал, что печать ксилографическим способом была перенята у китайцев и тибетцев в начале XVII в. Подвижный же шрифт монгольского письма появился только в XIX столетии в европейских типографиях. У самих же монголов печатные машины и шрифт появились в XX в. Сначала они были сделаны с европейских образцов, а затем была претворена в жизнь идея словолития и приспособления пишущей машинки к монгольскому шрифту.

По мнению Г.Ц. Цыбикова, чтобы понять язык и письменность, нужно понять культуру народности вообще, а не наоборот, полагать, что только подъем монгольской языковой культуры повлечет за собой подъем культуры целого народа: «К усвоению или восприятию культуры должен быть привлечен язык как оружие

<sup>1</sup> ЦВРК ИМБТ СО РАН. Общ. ф. Д. 327. Л. 27.

и выразитель культуры»<sup>1</sup>. Он отмечал, что едва ли можно не признавать монгольские народности как национальное целое и культурно единое сообщество. Поэтому нужно стремиться сохранить национальную культуру разобщенных монгольских племен, объединение которых возможно только на основе единого письменного языка. Объединение и сохранение культуры на их разговорном языке — дело утопичное и заранее обреченное на гибель, поэтому о достоинствах разговорного языка какого-нибудь племени говорить не следует. К тому же он указывал на одно немаловажное обстоятельство — малоизученность всех наречий монгольских племен.

В своем выступлении докладчик также акцентировал внимание на вопросах развития современной монгольской терминологии. По его мнению, всякий терминологический словарь должен охватывать во всей полноте понятия для всех наук общества. «Для современной культуры, — подчеркивал он, — развитие которой началось у монгольских племен из Европы через СССР, терминологический словарь есть русско-монгольский словарь».

Г.Ц. Цыбиков подверг резкой критике терминологическую работу Бурятского ученого комитета, подчеркнув, что вынужден выступить против учреждения, членом которого он сам состоит. Он, в частности, отметил, что при передаче «европейских понятий Буручком слишком увлекается европейскими и русскими терминами. Для выработки вопросов словаря нужно предварительное изучение своих слов и своей литературы, а затем приниматься за перевод понятий...» «Если мы не будем обращать внимания на культурные достоинства родного языка, — говорил он, — и будем снабжать язык направо и налево европейскими словами, то боюсь, что о поднятии национальной культуры и языка не будем и говорить. Это будет самообман и обман других»<sup>2</sup>.

Позднее, в ноябре 1926 г., состоялось заседание Буручкама, на котором была образована терминологическая комиссия. В ее состав вошли члены Буручкама: Г. Ринчинэ — председатель, Б. Барадин, Д. Бизияин, Г. Цыбиков, Д. Барадин; студенты и преподаватели Бурятского педагогического техникума; члены редакции «Бурят-Монголой унэн»; представители Наркомпроса республики; курсанты и члены коллегии переводчиков. Следует отметить, что особенность разработки терминологии этого периода заключалась в совместной работе с монгольскими учеными. С этой целью Г.Ц. Цыбиков в 1927 г. посетил Монголию, где провел переговоры с Монгольским ученым комитетом по поводу некоторых расхождений в переводе вновь созданных терминов. В своем дневнике Г.Ц. Цыбиков пишет: «Сегодня, наконец-то, закончилось рассмотрение слов-терминов, привезенных мною. Остались неразрешенными около 20–25 терминов. Остальные рассмотрены. Монгольские коллеги за то, что, в конце концов, будут приняты общеевропейские термины, а многословные объяснения отпадут» [Цыбиков 1964: 127]. В результате кропотливой работы терминологической комиссии в 1928 г. вышел в свет первый терминологический словарь на старомонгольском алфавите, в котором было около 2 000 терминов. Через 2 года было опубликовано 2-е, дополненное и исправленное издание словаря. Появление этих изданий было крайне необходимым для активного функционирования бурятского языка, поскольку он обслуживал различные сферы деятельности общества. По мере активного использования языка стали появляться различные общественно-политические термины и новые слова, которые отражали идеологию новой власти и новые взаимоотношения людей.

Подводя итоги своего выступления, Г.Ц. Цыбиков пришел к выводу, что «поднятие культурной квалификации языка можно только путем поднятия активности этого языка или, иначе, путем широкого применения его в жизни. Для поднятия идущей к монгольским племенам новой для них культуры нужно произвести частичные реформы в алфавите, по крайней мере, для того, чтобы передать дифференцированные звуки иностранного языка. Для реализации языка в школе и практике жизни с новыми культурными запросами нужно ввести в школах действительное изучение языка и его грамматики, основанных на данных филологической

<sup>1</sup> Там же. Л. 28.

<sup>2</sup> Там же. Л. 29(об).

науки. Затем нужно составить учебники для разных ступеней и словари, которые положат начало монгольской энциклопедии, тогда монгольский народ будет стоять на путях быстрой возможности усвоения культуры чужой и поднятия своей. Иначе не мыслится национальная культура, которую все так желают единодушно охранять, возрождать и развивать до уровня интернациональности»<sup>1</sup>.

Спустя некоторое время выступление Г.Ц. Цыбикова было подвергнуто критике. Его обвиняли в том, что он допускал крупные ошибки в вопросах языкового строительства в Бурятии. Особо резким нападкам подверглось его высказывание о том, что «Монголия находится на путях к новой жизни, основанной на европейской культуре, так интенсивно идущей к ним из Европы через СССР» [Цыбиков 1928: 21]. Так, например, Ш. Ибрагимов в своей статье писал: «Ведь культура-то европейская – буржуазная, а Цыбиков выставляет наш Советский Союз поставщиком этой буржуазной культуры для Востока» [Ибрагимов 1929: 21]. Все критики в один голос утверждали, что профессор Цыбиков отводит СССР роль транзитного пункта для европейской буржуазной культуры на Восток. Г.Ц. Цыбиков отвечал на замечания своих оппонентов: «У меня нет слова “транзитом”. Я... не подразумевал под культурой только буржуазную культуру капиталистической Европы, а понимал русскую пролетарскую культуру, которая, конечно, не может быть ни в коем случае названной, например, “азиатской”, ведь СССР все же Европа и страна европейской культуры, развивающейся после революции под знаменем пролетариата и бедняцко-средняцкого крестьянства и притом она научно-материалистична, в основном.

Основоположники научного социализма К. Маркс и Ф. Энгельс были “европейцы” по рождению и воспитанию. Учение их, идущее из Европы, понятно, можно назвать только “европейским”... Монголы получают содержание европейской культуры от СССР, а не от Англии, Германии и т.д.» [Цыбиков 2003: 168].

Идея о необходимости создания общемонгольского языка на основе старомонгольской письменности, который сможет объединить монгольские народности в единое целое, также была подвергнута резкой критике. Спустя некоторое время ученому пришлось признать свои «ошибки»: «Всем работающим в деле поднятия языковой культуры монгольских племен, обнаружившим колебание в деле введения нового алфавита, приходится признать свои принципиальные и тактические ошибки и отдать свои силы и знания скорейшему проведению его в жизнь» [Цыбиков 1929 : 55].

Г.Ц. Цыбикова и некоторых современных ему монголоведов обвинили в устаревших представлениях, согласно которым культуру и язык бурят нельзя было рассматривать в отрыве от соответствующей культуры и языка монголов, а нужно было говорить и пропагандировать новую социалистическую культуру и новый литературный язык бурят. Как известно, после политических процессов 1930-х гг. данный подход был назван «панмонгольским».

В настоящее время историческая роль и значение подходов выдающихся ученых становятся все более и более востребованными.

Таким образом, культурно-национальное совещание 1926 г. в целом определило направление работы в области бурятского культурно-национального строительства, требующее согласования с Монголией кардинальных вопросов, касающихся развития языка и письменности в Бурятии. Несомненно, роль этого совещания заключается еще и в том, что тенденция замены монгольского алфавита совершенно новым типом письма получила достаточно широкое освещение, и оно признало необходимым взять курс на освоение существующего монгольского литературного языка.

### Список литературы

Ибрагимов Ш. 1929. О проявлениях великорусского шовинизма и местного национализма в Бурят-Монголии. – *Жизнь Бурятии*. № 5.

Цыбиков Б.Д. 2003. *Бурятские ученые национал-демократы*. Улан-Удэ.

<sup>1</sup> Там же. Л. 30.

Цыбиков Г.Ц. 1964. Монгольский дневник профессора Г.Ц. Цыбикова. — *Байкал*. № 2.

Цыбиков Г.Ц. 1928. Монгольская письменность как орудие национальной культуры. — *Бурятиеведение*. № 1-3(5-7).

Цыбиков Г.Ц. 1929. О новом бурят-монгольском алфавите (НБМА). — *Бурятovedческий сборник*. № 5.

**BAZAROVA Valentina Vladimirovna,**

*Dr.Sci.(Hist.), Senior Researcher of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences (Sah'janovoj Str., 6, Ulan-Udje, Buryat Republic, Russia, 670047; bazarov\_science@mail.ru)*

## GOMBOZHAB TSYBIKOV ABOUT THE ROLE OF THE MONGOLIAN WRITTEN LANGUAGE IN THE CREATION OF THE BURYAT LINGUISTICS

**Abstract.** In the article the ideas of a famous Russian orientalist and traveler G. Tsybikov, devoted to the problem of the language building, that were expressed at the First Cultural-National Conference held on 19–26 September 1926, are analyzed. The ideas of G. Tsybikov were connected with the initial period of the creation of the Buryat language. A scientist believed that one should strive to preserve the national culture of the Mongol tribes, which association could be only possible on the basis of the common written language. G. Tsybikov also focused on the development of the modern Mongolian terminology and its terminological adequacy to the Mongolian languages.

**Keywords:** Mongolian written language, Buryat language, cultural construction, national culture, terminology, language policy, Pan-Mongolism

### References

Cybikov B.D. *Burjatskie uchenye nacional-demokraty [Buryatian Scholars as National Democrates]*. Ulan-Udje. 2003.

Cybikov G.C. Mongol'skij dnevnik prof. G.C. Cybikova [Mongolian diary of the Professor G.Ts.Tsybikov]. — *Bajkal*. 1964. No 2.

Cybikov G.C. Mongol'skaja pis'mennost' kak orudie nacional'noj kul'tury [The Mongolian Written Language as an Instrument of the National Culture]. — *Burjatievedenie*. 1928. No 1-3 (5-7).

Cybikov G.C. O novom burjat-mongol'skom alfavite (NBMA) [A New Buryat-Mongolian Alphabet]. *Burjatovedcheskij sbornik*. 1929. No 5.

Ibragimov Sh. O projavlenijah velikorusskogo shovinizma i mestnogo nacionalizma v Burjat-Mongolii [About Manifestations of the Great Russian Chauvinism and Local Nationalism in the Buryat-Mongolia]. — *Zhizn' Burjatii*. 1929. No 5.